

Мурадис
Салимханов

A green leaf with a prominent vein structure is centered on a white background. Several red blood splatters of varying sizes are scattered around the leaf, some overlapping it. The overall composition is stark and evocative.

**УЧИТЕЛЬ
БИОЛОГИИ**

Мурадис Салимханов

Учитель биологии

«Алисторус»

2017

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус)

Салимханов М.

Учитель биологии / М. Салимханов — «Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906880-91-8

Автор – профессиональный адвокат, Председатель Коллегии адвокатов Мурадис Салимханов – создал удивительной проникновенности книгу, герой которой – простой сельский учитель биологии в результате страшной ошибки попадает в тюремную камеру, а затем в руки садиста, вершащего правосудие. Было ли такое в жизни? «Нет», – отвечает автор. Может ли такое быть? «Да», – уверен он, знающий систему организации правосудия в России не понаслышке. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906880-91-8

© Салимханов М., 2017
© Алисторус, 2017

Мурадис Салимханов

Учитель биологии

© Салимханов М.С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

На самом деле историй и каких-то событий, изложенных в книге, никогда не было, они являются вымыслом автора. Любое совпадение имен, фамилий, событий является случайным, автор не несет за это ответственности.

Земля на сельском кладбище, больше напоминая спекшуюся с глиной размоло- тую скальную породу, всегда доставляла неудобства копавшим ее людям. Неумело ковыряя ломом и принесенной кем-то киркой, несколько молодых людей, вызвавшихся доброволь- цами, выдалбливали очередную могилу для своего земляка, которого должны были привезти если не к заходу солнца, то уж на следующий день точно. Рассказывая друг другу всякие смеш- ные истории, чтобы поднять себе настроение, они время от времени возмущались выбору пред- ков, определивших когда-то очень давно настолько непригодное для кладбища место. Наконец, достигнув нужной глубины и выбравшись из свежерыкопанной ямы, они присели отдохнуть. Подошедший к этому времени имам удовлетворенно взглянул на их работу и похвалил, обе- щав, что их благодеяние непременно будет зачтено на небесах. Убедившись, что парни не повредили другую могилу, впритык к которой и была вырыта новая, он сообщил, что сегодня тело, скорее всего, не привезут, а привезут, возможно, только завтра, и, еще раз поблагодарив ребят, предложил разойтись по домам.

– Открывай! – приказал кто-то, железная дверь со скрипом отворилась, и в камеру зата- щили худощавого человека с мешком на голове.

– К стене! Ноги расставил! – Привычным движением достав ключи от наручников, неиз- вестный снял их и, сорвав с головы задержанного мешок, заявил: – Ну все, теперь тобой будут заниматься другие, а за то, что ты при задержании укусил меня за руку, вот тебе, сука!

Задержанный даже не успел отреагировать на удар, с глухим стоном он упал на бетонный пол, пытаясь нащупать очки, которые слетели при ударе. Правда, пользы от них уже не было никакой, так как стекла разлетелись вдребезги, и осколки редким ледяным узором раннего инея украсили серый бетонный пол. Держа в руках согнутую оправу без стекол, задержанный как-то беззвучно плакал, то ли сожалея о потере очков, то ли от боли, то ли от собственного бессилия.

Задержанный несколько минут приходил в себя, затем отрешенным взглядом оглядел железную кровать, серые грязные стены, единственное окошко под потолком, из которого через закопченные грязные стекла просачивался свет, бадью для отправления естественных надоб- ностей, стоявшую в углу. Пройдя по камере и убедившись, что ничего более, кроме увиден- ного, здесь нет, он обреченно опустился на кровать, пытаясь понять, как и почему он здесь оказался. Еще сегодня утром он рассказывал своим ученикам в школе об однолетних и мно- голетних растениях, а вечером собирался проверить домашние задания по биологии, когда его вызвали к директору. Директор школы, которого он знал всю свою жизнь, и который прини- мал его на работу, зачем-то вызвал учителя в коридор и попросил пройти за ним, но почему- то пошел не к себе в кабинет, а в направлении черного входа, дверь которого выходила на заброшенную заднюю часть школы, где стоял полуразобранный ржавый школьный автобус и еще какие-то металлические детали, вросшие в землю и заросшие бурьяном так, что издали казались кусками большого поваленного дерева. Директор проследовал дальше за угол, где начиналась школьная котельная, и он увидел, что их поджидают два человека. «Вот он», –

сказал директор. Оба сотрудника достали из карманов красные книжечки с тисненными золотом двуглавыми орлами и, в унисон пробормотав себе под нос звание и должность, да так, что учитель ничего не разобрал, предложили проехать до районного отдела. Учитель подчинился. Думая, что он мог оказаться свидетелем какого-то происшествия, или от него хотят получить характеристику на кого-либо из бывших учеников, он смело пошел к машине, когда почувствовал тяжелый удар в затылок, после которого словно провалился в темноту. И вот теперь он здесь. Еще раз оглядев стены камеры, грязный бетонный пол со следами облупленной краски, местами отполированной подошвами бесчисленного количества его предшественников, он снова мучительно стал размышлять над тем, что же он такого совершил, что его вот так, избитого, в наручниках и с мешком на голове привезли в тюрьму. По телевизору он видел, что в таких случаях присутствует адвокат или хотя бы родственники, но как это все изменить и дать о себе знать, ему не приходило в голову. «В конце концов, – подумал он, – меня ведь при директоре школы арестовали, а он-то точно побеспокоится о судьбе своего учителя. Что же я такого совершил?», – терзал он себя, и не мог ничего вспомнить: школа, биологический факультет университета и снова школа. И безобидный предмет – биология. Из родственников – семидесятидвухлетняя бабушка, воспитавшая его с пяти лет, когда у него в аварии погибли родители. И снова, и снова он пытался вспомнить, чего же он мог такого совершить, что его привезли в наручниках прямиком в тюрьму. Обычный учитель биологии в средних и старших классах, вся жизнь укладывалась в один и тот же маршрут, дом – школа – дом. Изредка, когда выдавались свободные дни, выбирался на природу для пополнения школьного гербария или встречался с пожилыми людьми, помнившими наизусть народные сказания, легенды, стихи. Из родных только бабушка. Он был холост, невесты тоже у него не было, и, хотя ему нравилась учительница истории, он не помышлял о сватовстве и даже в мечтах не представлял ее своей женой, он знал, что та из состоятельной семьи, и ее никогда не выдадут за безродного нищего учителя, живущего с бабушкой и жалованьем в двенадцать тысяч рублей. Отчаяние все больше охватывало его, к горлу подступал комок, и в тоже время где-то глубоко сидела надежда, что разберутся, что ошиблись, перепутали, наконец. Он не понимал, сколько прошло времени, заметил только, что за решетками в окошке стало темно, а комнату заливают яркий электрический свет. В конце концов, устав от бесплодных мыслей, он решил кого-нибудь позвать. Ведь есть тут охрана, люди, работающие в тюрьме, и, подойдя к двери, сначала неуверенно, а затем все настойчивее и громче стал стучать в железную дверь. Через минуту услышал, как кто-то подошел к двери, лягнув засов, и открылось квадратное окошко в центре двери. В темноте коридора были видны только козырек милицейской кепки и небритый подбородок, к щетине которого прилипли хлебные крошки.

– Тебе чего? – спросил надзиратель и, не дожидаясь ответа, протяжно зевнул и сказал, – завтрак в семь утра, сейчас два часа ночи. Не шуми, если не хочешь проблем, – и постучал для убедительности дубинкой о дверной косяк.

– Я хочу знать, почему я здесь? Где я? За что?

– В изоляторе временного содержания, а за что я не знаю. Вызовут к следователю – узнаешь.

– А у кого можно узнать?

– Ни у кого. Завтра. Все. Не шуми.

Квадрат захлопнулся и он услышал удаляющиеся шаги надзирателя.

Наконец ему пришла идея выглянуть в окно, чтобы понять, где он. С трудом подтянувшись за железные прутья решетки, вдали за белесой дымкой он увидел ночные краски большого города, который где-то внизу горел тысячами маленьких огней, откуда едва доносился гул автомобилей, какие-то далекие запахи и шумы, и, не имея больше сил держаться за прутья, он рухнул на пол. Добравшись до кровати, ошупью нашел подушку и, не обращая внимания

на свет, бивший прямо в глаза, провалился в сон в надежде, что он проснется, и этот кошмар рассеется как дым.

Утром он проснулся от команды: «Подъем! Подъем! Подъем!». Кричал кто-то в коридоре, сопровождая команды ударами чего-то тяжёлого по металлическим прутьям. Квадрат в центре двери распахнулся, и он увидел озабоченную усатую физиономию нового надзирателя.

– Встать! – скомандовал он, обращаясь к учителю. Тот неуверенно поднялся и проковылял к двери.

– Фамилия?

– Абубакаров.

– Имя-отчество?

– Мазгар Абубакарович.

– Год и место рождения?

– 1978, село Кулаб. Ленинский район.

– Жалобы есть?

– За что я здесь?

– Жалобы есть, спрашиваю? За что – это не ко мне.

– А к кому?

– Тебе скажут.

Квадрат исчез. Он в отчаянии оглядел камеру, хотелось пить, вымыть лицо, руки. И тут в углу он заметил пластиковую бутылку, на дне которой было немного воды, и которая, видимо, ему досталась в наследство от прежнего обитателя камеры. Он жадно припал к горлышку и, не отрываясь, выпил всю воду. «Надо действовать, – решил он, – в конце концов, я гражданин страны, имею права, я имею право знать, в чем я обвиняюсь». Мысли его снова прервал лязг засова, окошко в двери распахнулось, и человек в тюремной робе протянул ему миску, два куска хлеба и пластиковую бутылку с водой. «Завтрак», – догадался он, и, пока на кровати устраивал миску с кашей, чтобы она не опрокинулась, квадрат захлопнулся, оставив его наедине со своими мыслями. Прошло еще какое-то время, когда подошли к двери и назвали его фамилию и команду: «На выход».

Сердце его было готово выскочить из груди. Наконец!! Разобрались! Его отпускают. Однако действительность оказалась иной. Пройдя бесчисленное количество коридоров, стальных дверей и железных решеток, он оказался в бетонном пенале размером метр на метр с маленьким вентиляционным окошком в двери в несколько сантиметров.

Он устал стоять, ноги затекли страшно. Следуя своим учительским навыкам, привыкший чувствовать кожей сорок пять минут урока и десятиминутный перерыв между уроками, он посчитал, что простоял уроков шесть, если не больше, лечь он не мог, пенал был маловат для этого, его не остановил бы даже оплеванный пол с высохшими разводами зековской харкоты, прилипшей грязи и засохшей крови. Найдя, наконец, удобную позу и прислонившись одним боком к стене, а лбом опершись в железную дверь, он попытался отдохнуть. Когда дверь внезапно распахнулась, от неожиданности он упал на пол, сильно ударившись коленом о бетон, и, лежа на боку, корчась от боли и унижения, он не понимал, над чем хохочут эти молодые люди в униформе. Кто-то из охранников ударил его ногой, и, едва поднявшись, он почувствовал пинок в зад и полетел в сторону двери. Гогоча и сопровождая команды ударами дубинок, охранники вывели его во двор и после тщательного досмотра затолкали в автозак. Еще через два часа он был уже в другой тюрьме, как он понял, расположенной в какой-то промышленной зоне, куда даже через толстые, закопченные стекла запертой форточки доносились звуки тепловозных гудков, лязги стыкуемых вагонов и бубнящего громкоговорителя, указывавшего какой вагон и куда прицепить. Лестница в тюрьме вела куда-то вниз, но вели его недолго и, вопреки своему ожиданию, он оказался не в камере, а перед дверью, на которой висела табличка «Комната допросов».

– Стоять, лицом к стене, – скомандовал охранник и постучал ключами в дверь.

– Зайдите, – раздалась команда, и, войдя, он увидел немолодого человека в гражданском костюме, сидящего за столом и лениво перемешивающего какую-то темную жидкость чайной ложкой в большой фарфоровой кружке.

– Садись, – скомандовал тот и, обращаясь к охраннику, бросил, – вы свободны, когда закончим, позову.

Сев на табуретку, он с надеждой посмотрел на человека за столом. Словно боясь спугнуть удачу от того, что наконец-то за сутки, показавшиеся ему целой вечностью, нашелся человек, готовый его выслушать, он нерешительно поднял голову и поздоровался:

– Салам-алейкум!

– Ва алейкум салам, – ответил тот и тут же предложил: – давайте познакомимся, установим личность вашу и приступим к допросу. Я – старший оперуполномоченный управления по борьбе с терроризмом МВД республики, майор Рашидов, буду заниматься вашим делом по поручению следователя, практически исполнять его обязанности. Ясно?

– Ясно, но я хотел бы знать, почему я здесь?

– Все узнаете, давайте приступим к допросу, а после мы все выясним, что вас интересует, и я отвечу на все ваши вопросы.

– Фамилия, имя, отчество?

– Абубакаров Мазгар Абубакарович.

– Год, дата и место рождения?

– Село Кулаб Ленинского района, 30 марта 1978 года.

– Где проживали?

– Село Кулаб Ленинского района.

– Кем работали?

– Учитель биологии Кулабской средней школы.

– Образование?

– Высшее.

– Военнообязанный?

– Да.

– Ранее судимы?

– Нет.

– Семейное положение?

– Холост.

– Значит так, Абубакаров, вы подозреваетесь в экстремистской деятельности, а также в призывах к насильственному свержению конституционного строя, пособничестве незаконным вооруженным формированиям и, возможно, в совершении иных противоправных действий, наличие или отсутствие которых будет проверено, поэтому вы здесь, и поэтому я буду задавать вопросы, а вы будете отвечать. Ясно?

– А адвокат?

– А зачем вам адвокат, если вы невиновны? А у вас есть деньги на адвоката?

– Нет. Но я знаю, что государство может выделить бесплатно.

– Послушай, – доверительно обратился тот, переходя на «ты», – я тебя допрошу, и может быть, ты пойдешь домой, ты же хочешь домой?

– Да, хочу.

– Хорошо, я буду задавать вопросы и записывать, ну или побеседуем, а потом я запишу.

– Я готов.

– Вот вы как относитесь к существующей власти?

– К какой?

– К центральной, – ответил следователь и уважительно посмотрел на стену, где висел небольшой портрет президента и премьера, ставший непременным атрибутом всех официальных учреждений. Неизвестный фотограф умудрился снять их таким образом, что взгляд их был точно направлен на то место, где обычно сидели следователи, словно они следили за тем, насколько исправно следователи и дознаватели, допрашивающие в этом кабинете, исполняют свои обязанности.

– Никак. Они далеко и здесь ничего не решают.

– А к республиканской?

– То же самое, я в селе, они в столице, наши пути не пересекаются.

– Но вы, общаясь среди учителей, жаловались на власти. В частности, прилюдно оклеветали заведующего районным управлением образования?

– Нет. Я всего однажды высказался на учительском собрании о том, что почему, если нет денег на ремонт школы, нашлись деньги на новый «Ландкрузер» для заведующего РУНО.

– И?

– И все.

– А как насчет призывов к неповиновению во время К.Т.О. (правового режима контр-террористической операции) в вашем селе в ноябре прошлого года?

– Ну, знаете, я выразил общее мнение, да и то, когда на улице случайно встретил главу села с какими-то людьми в милицейской форме, и я просто спросил их, для чего из-за двух разыскиваемых террористов перекрывать блокпостами село на два месяца? Школьникам обыскивать ранцы, на перекрестках улиц устраивать пропускные пункты? Не пропускать машины с продуктами? Не выпускать больных в районную больницу? К нам в село не могла проехать даже скорая помощь, она ожидала за границей села, пока к ней волокут больного, а ученики, которых мы учим патриотизму и любви к Родине, жаловались, что военные обыскивают их ранцы. Нам всем было очень тяжело и унижительно чувствовать себя заложниками.

– Но ваше село не выдало бандитов!

– Большинство их, этих бандитов, и не знает. Например, я их не знаю. И искали их за какие-то дела в других местах, и второе, за время К.Т.О. солдаты и милиционеры унесли из домов все, что можно было утащить ценного. Разве государство поощряет мародерство?

– Но вы, общаясь среди учителей, неоднократно возмущались органами правопорядка?

– Я уже говорил об этом, как же не возмущаться? Перекрыли все улицы, не выехать и не заехать никуда. Два месяца изоляции. В домах, куда заходила милиция, исчезло все более или менее ценное. Я думал, что можно искать преступников, не наказывая неопределенное количество людей, тем более непричастных.

– Хорошо. – Следователь заглянул в какой-то листок и спросил, – А почему в конце ноября того же года на сельской площади вы вступили в спор с местным имамом о религии, подвергая сомнению курс администрации республики и духовенства?

– Я не спорил о религии. Я просто спросил его, почему они не могут договориться между собой?

– Кто?

– Представители официального духовенства и религиозные меньшинства.

– А почему они должны договариваться?

– Я думал, если религия отделена от государства, то оно, то есть государство, должно не принимать чью-то сторону, а умиротворять все стороны. И вообще, я против насилия. С любой стороны. Можно воды?

– Можно. – Следователь достал из ящика стола граненый стакан и не спеша налил до краев воды. – Пейте.

Он выпил сразу, даже не почувствовав вкуса, и произнес вслух:

– Я никогда не думал, что простые высказывания мнения могут так повлиять на судьбу.

Следователь усмехнулся:

– Не только могут, но и влияют. У нас везде свои глаза и уши, и мы знаем каждый ваш шаг, и не только ваш, – посмотрев на часы, добавил: – давайте продолжим. Вот ваш открытый урок по биологии в шестом классе, куда были приглашены родители и некоторые преподаватели, припоминаете?

– Я часто проводил такие уроки, какой именно?

– 24 апреля этого года вы сказали перед учениками, их родителями и другими присутствовавшими, что бога нет, чем оскорбили их чувства. Было?

– Не совсем. Это было внеклассное занятие, я выразил общеизвестную абстрактную мысль о том, что одни люди верят в бога, другие точно так же верят, что его нет, а доказательств нет ни у той, ни у другой стороны.

– А что вы там плели про Адама и Еву?

– Я просто сказал, что, со слов старой Хадижи, которая тоже в юности от кого-то это слышала, есть легенда, о том, что на самом деле было три брата – Адам, Адат и Адан, и они были по очереди женаты на Еве, и потомки их сейчас живут на земле – Адамиты, Адиты и Аданы. Но это всего лишь притча, легенда, устный фольклор, дошедший до нас от безобидной старухи. Кстати, она могла наизусть прочесть на родном языке огромное количество древних стихов, которых раньше я никогда не слышал, и многие слова в которых не понимал.

– Ну и записали бы себе на здоровье, зачем надо было обсуждать это вслух?

– Это был открытый урок, посвященный Уильяму Бэтсону, и там затрагивались все темы, в том числе и не относящиеся к генетике, и я не думал, что это оскорбит кого-нибудь.

– А кто этот Уильям Бэтсон, – насторожился следователь, – американец?

– Нет. Англичанин, один из основоположников генетики.

– Ну хорошо. А что вы там порассказали о флоре и фауне?

– Так это было на уроке для старших классов, и я просто высказал свою теорию.

– О том, что люди – это ходячие органы репродукции?

– Я вижу вы в курсе.

– Я вам уже говорил о глазах и ушах.

– Да, простите, я могу пояснить.

– Поясните, будьте любезны, и кроме того, это не просто любопытство.

– Постараюсь кратко. Видите ли, известно, что корни растений находятся под землей, а репродуктивная часть над, либо все вместе. Фауна более автономна и связана с материнским организмом биоволнами. Ее автономность и обуславливает наличие мозга человека не только как большой антенны и приемо-передающего центра, но также как некоего особого самообучающегося органа, способного к обретению рефлексов, приобретению навыков, то есть всего того, что делает автономия репродуктивного органа максимально независимой, но до определенных пределов, конечно, не мешающих ее изначальным целям. И как всякий организм, он подвержен мутациям, в результате которых возможно появление противоречий с базовым организмом, если это можно так назвать. Я не слишком научно?

– Нет, очень даже интересно. Хотя я почти ничего не понял, кроме одного. – Следователь засмеялся, и сквозь смех проговорил: – Я представил свое начальство в виде членов в мундирах, получающих волновые команды из матрицы, – и он снова захохотал, – прям не учитель заштатной сельской школы, а братья Вачовски в кубе. – Он снова засмеялся. – Знаете, я начинаю испытывать к вам определенную симпатию, но решение о вашем освобождении принимаю не я. Сегодня, думаю, на этом закончим, продолжим завтра. Подпишите здесь, вот здесь и здесь, – показал следователь. Учитель подписал привычной размашистой подписью, как в дневниках своих учеников, и, вопросительно посмотрев на следователя, спросил:

– А я останусь здесь? Вы же обещали!

– Ну да, обещал. Но я не могу вот так взять и отпустить вас сейчас. Завтра посмотрим.

– Ну послушайте, у меня старая бабушка, у нее кроме меня больше никого нет. Она старенькая и очень волнуется за меня. Ученики, в конце концов!

– Я уже сказал вам. Завтра. Конвойный!

Уже находясь в камере, он начал вновь анализировать, вспоминать, где еще он что-то такое мог ляпнуть во вред себе. Вскоре принесли ужин, та же перловая каша, два куса хлеба и вода, словно у всех тюрем был один шеф-повар, готовивший одни и те же блюда для всех заключенных.

Кровать в этой камере была широкой, из сколоченных сосновых досок, рассчитанной на несколько человек, и, хотя спать было жестковато, он заснул сразу. Мозг словно пытался быстрее увести его в объятия морфея, отвлекая от нависших проблем.

Утром в его одиночную камеру вошли два человека – надзиратель и, как понял учитель, представитель прокуратуры. Свернув журнал задержанных и заключенных в камерах, прокурор о чем-то ругался в коридоре. Когда они уходили, он услышал обрывок фразы, сказанной прокурором, о том, что, если на этого задержанного не будет постановления, чтобы завтра я его не видел. Он подумал, что это сказали про него, и несколько приободрился.

Он целый день ждал, сидя на кровати, что вот-вот его вызовут, он, наконец, объяснится, и его отпустят. Надежда, что придет следователь, окончательно угасла, когда принесли ужин. Он подумал, что вечером, наверное, в тюрьму следователи, адвокаты и прокуроры обычно не ходят, и, словно в подтверждение его мыслей, в тюрьме наступила тишина, изредка прерываемая переключкой надзирателей. И когда он после долгих мучительных раздумий, воспоминаний и временами наступавшего острого чувства отчаяния, так сидя и заснул, разбудил его стук. Оглядевшись, он понял, что стук раздавался из соседней камеры. «Который час, интересно», – подумал он и, подойдя к стене, постучал в ответ. К своему стыду, он не знал азбуки Морзе и собственно, не знал, о чем его просят или о чем его спрашивают, но чувство одиночества и тоски благодаря неведомому соседу несколько отступило. То, что не он один находится в тюрьме, как-то согревало его душу, приходила мысль о том, что ему чем-то могут помочь, хотя не представлял, чем и как. От раздумий его отвлекла распахнувшаяся дверь.

– С вещами на выход, – приказал охранник.

– У меня нет вещей, – ответил он.

– Не болтать! На выход.

Чувство радости переполняло его. Как хорошо! Сдержали слово! Увидели, услышали, поняли, что он не виноват, не опасен, и его можно отпустить домой, он даже не будет в обиде, если его без денег выпустят так далеко от дома, да хоть пешком, лишь бы все это осталось позади, шагая впереди охранника, думал он, автоматически выполняя команды – стоять, лицом к стене, расставить ноги на ширину плеч, и так перед каждой дверью. Когда, наконец, они вышли во двор, эйфория, вызванная мыслью об освобождении, мгновенно улетучилась. Он увидел тех же двух милицевских, что привезли его в город, и заслонявший выход серый грузовой автофургон для перевозки заключенных с распахнутой для него одной железной дверью. «Пшел», – приказал кто-то и ткнул учителя в затылок кулаком. Обыскав, они затолкали его в машину, несмотря на все его взывания к их совести быть людьми и соблюдать гражданские права, снова надели на голову мешок и повезли куда-то в неизвестном направлении, так ничего и не объяснив.

* * *

Новая тюрьма отличалась от прежней. Это было приземистое здание, видимо, большая часть которого, словно у айсберга, находилась где-то глубоко внизу. Довольно долго спускаясь по металлической лестнице, проходя бесчисленное количество металлических дверей и решеток, его привели в одиночную бетонную камеру, куда, насколько он понял, никогда не

попадал свежий воздух, разве только со вновь прибывшим арестантом. В камере стоял тяжелый запах всех его прежних обитателей, перемешанный с запахом гниющего мяса, плесени, засохшего черного хлеба, дешевого табака и деревянной бадьи для отправления естественных надобностей, в простонародье именуемой «парашей». Электрическая лампа, которая, как и везде в таких камерах, никогда не выключалась, светила не так ярко, как в прежних камерах, а совсем даже тускло, временами мерцая от перепадов напряжения, будто передавая сигнал бедствия тем, кто его может понять. Заснуть ему долго не удавалось, в камере слева громко стоял человек, временами срываясь на плач, из камеры справа раздавалось громкая бессвязная речь, а откуда-то из утробы тюрьмы доносились дикие нечеловеческие крики, словно какой-то сумасшедший режиссер в натуре снимал фильм ужасов. Наконец, усталость и переживания взяли свое, и учитель заснул тревожно-чутким сном уверенного в своей невинности человека, надеющегося, что в любую минуту может выясниться ужасная несправедливость, происшедшая с ним, и как только это произойдет, его могут разбудить, извиниться перед ним и отпустить на свободу.

Утром его никто не будил, он проснулся сам. Липкий пот застилал глаза, из-за сырости в камере в груди возникло давящее ощущение, словно по нему проехал грузовик, но больше всего его беспокоило чувство безотчетного страха, родившегося где-то в подсознании, мешавшее думать, пить, есть и отнимавшего способность даже ходить по камере. Через какое-то время начался обход и раздача завтрака. Когда очередь дошла до него, в камеру вошли двое – охранник и врач. То, что второй является медиком, он понял по несвежему белому халату с едва сохранившейся на накладном нагрудном кармане полустертой надписью «...ед часть № ...» и стетоскопу, болтавшемся на груди.

– Этот новенький, – сказал охранник, – осматривать будешь?

– Так, поверхностно, – ответил ему доктор и зачем-то пощупал левое предплечье учителя. – Ну ладно, – сказал доктор, внимательно осмотрев руку, как будто именно в этой и руке была заключена вся информация о здоровье арестанта, – вроде как здоров, – и, отпустив руку, спросил учителя: – раны, ушибы, переломы есть?

– Нет, – ответил учитель.

– Ну и хорошо, если нет, пойдем дальше.

Завтрак тоже отличался от того, что было в других тюрьмах, дали пачку дешевой лапши быстрого приготовления, кусок серого хлеба и пластиковую бутылку с водой без крышки, набираемой, видимо, где-то из тюремного водопровода. Заметив недоуменный взгляд учителя, разносчик еды посоветовал ему развести лапшу водой. Горячей воды, он сказал, нет, но если ты оставишь на полчаса в холодной, то будет в самый раз, и обнадежил, что горячая каша будет, когда завхоз выйдет с отпуска. Разводить «Доширак» он посчитал бессмысленным и стал есть всухую, стараясь не уронить ни единой крошки, и, запив холодной водой, лег на кровать. Поспать ему так и не удалось. Через час-полтора охранники пришли за ним и повели куда-то вниз, к майору, на этаж минус два, как он понял из разговора охранников, где и располагалась комната допросов.

Кабинет для допросов, куда его привели, оказался большой, ярко освещенной комнатой с огромным столом и, как ему показалось из-за своей близорукости, спортивными тренажерами, натканными повсюду. Он сел на предложенный стул, больше напоминавший кресло, и, когда его руки пристегнули к поручням, а ноги – к ножкам кресла, охранники ушли. И он остался один на один со следователем. «Зачем меня привязали? – подумал учитель. – Тут ведь и так никуда не убежишь. И что им от меня надо? И кто такой этот следователь?» Он поерзал в кресле, пытаясь ослабить ремень на груди, сдавливавший грудную клетку и мешавший дышать, и не добившись успеха, решил попросить если не снять, то хотя бы ослабить ремень. Заметив его ерзания, следователь повернулся к нему, словно давая получше разглядеть себя, и, увидев, что учитель хочет что-то спросить, мягкой кошачьей походкой подошел к нему вплот-

ную, наклонился и, поднеся указательный палец к своим губам, прошипел: «Тссс, здесь первым говорю я, а ты будешь говорить, когда я тебя о чем-то спрошу, понял?». Учитель кивнул. Что-то зловещее, темное, беспросветное было во взгляде следователя, что смутило его и заставило подчиниться.

– Итак, – продолжил он, – я читал твой протокол допроса, проведенного майором Рашидовым. Хочу тебя предупредить! Я не интеллектуал, коим мнит себя майор Рашидов, и не читаю глупых книжек и журналов. Цацкаться с тобой тоже я не буду. Чем быстрее скажешь правду, тем целее будешь. Во-вторых, тебе не удастся меня разжалобить рассказами об одинокой старушке и плачущих учениках с их родителями. И в-третьих, на тебя нет никаких документов, никаких протоколов о задержании, тебя три дня назад отпустили из городского изолятора, и ты куда-то уехал, скорее всего, скрылся. То, что ты здесь, знает только несколько человек из МВД. Поэтому здесь я для тебя бог и царь, а не какой-то член, получивший свободу вследствие эволюции. Ты меня понял?

– Да. Понял.

– Для тебя я господин майор. Ясно?

– Да.

– Да кто?

– Да, господин майор.

– Уже лучше.

Майор подошел к своему столу взял лист бумаги и, подойдя к нему вплотную, спросил:

– Тебе знаком Ахмед Кубаев?

– Нет. А кто это?

– Тебе лучше знать. А тебе знакомы?.. – Тут следователь сделал паузу, заглянул в листок и прочел пять или шесть фамилий.

– Нет, не знакомы.

– Плохо. Значит, не хочешь говорить правду?

– Хочу! Но я их действительно не знаю.

– Проверим. – Майор не спеша подкатил какую-то тележку с проводами и прикрепил зажимы к шее и груди учителя. – Начнем с сорока вольт, – сказал он и нажал какой-то рычаг. Учителя стало трясти, тело скрутило и, если бы не был пристегнут, то он готов был вылететь из кресла. Словно откуда-то издали был слышен голос следователя: «Увеличим до шестидесяти, увеличим...», пока не пропал совсем.

Он очнулся в том же кресле, сколько времени прошло, он не знал, шея и грудь страшно ныли, места, куда были прикреплены электроды, были обожжены и болели ноющей болью, рядом с креслом стояли те же два охранника, которые его привели. «Разденьте его», – приказал майор. Раздев его, охранники ударами дубинок заставили стать на четвереньки, сунули под него скамейку и майор умелым отработанным движением вставил ему в задний проход кусок шланга. Затем, взяв в руки небольшой моток колючей проволоки, начал засовывать в шланг. «Ты знаешь, – приговаривал он, – этот прием называется «вставить розочку»». Услышав крик боли, он перестал всовывать колючую проволоку, но опять тем же умелым движением выдернул шланг.

– А знаешь, – сказал майор, – теперь у тебя в прямой кишке кусок колючей проволоки, и я буду вытягивать ее вместе с кишкой, если ты не скажешь кто твои сообщники. Так, раз, – дикий крик заполнил весь нижний этаж тюрьмы, – два! Вот б..., – услышал он будто откуда-то издали, – снова сознание потерял. Откачайте его.

Учитель с трудом открыл глаза, ему казалось, что прошло всего несколько секунд с начала пыток, пытаясь оглядеться, он повернулся на бок, шея после ударов током не поворачивалась, он полулежал на полу в луже собственной крови, рядом стоял медик и те два охранника. Медик выговаривал майору о том, что подозреваемый при таком обращении не протянет больше трех

дней, и что количество трупов у них зашкаливает. Майор, в свою очередь, с усмешкой отвечал, что задержанных по документам нет и никогда не было, а раз так, то и беспокоиться не о чем, и добавил: «Ладно, тащите его в камеру, пусть отлежится, тем более, тут у меня очередь таких как он, завтра продолжим». В камеру его никто не потащил, охранники, выведя в коридор, заставили идти самого, последний пролет лестницы он прополз на четвереньках, оставляя за собой кровавый след разбитых о металлическую лестницу колен. Когда он дополз до дверей камеры, ему показалось, что это дверь избавления от мучений, оазис, тихая комната в аду, куда не доходит адский огонь, добравшись до кровати, он еле взобрался на нее и тут же отключился. На следующий день ему было плохо, целый день провалялся без сознания в бреду. Очнувшись поздно ночью, он обнаружил на полу шесть пачек сухой лапши и две пластиковые бутылки с водой. Есть ему не хотелось, дикая боль внизу живота временами утихала, но снова и снова давала о себе знать. Ожоги на груди и шее тоже болели и начали нагнаиваться, но это было ничто по сравнению с болью в животе. Он не стал ни пить, ни есть, зная, что будет только хуже. Пытаясь заснуть, старался вспомнить прошлую жизнь, бабушку, родителей, лица которых помнил только по фотографиям, и плакал. Плакал навзрыд, не стесняясь, что его услышат, плакал о пройденной жизни, ее бессмысленности и жестокости. Плакал, вспоминая бабушку, у которой он был единственным стимулом к жизни, которая всегда ждала его на пороге – и когда он шел из школы домой, и потом, когда он стал работать, ждала его после работы. Так он заснул.

– Подъем! Быстро встал! На выход!

Он лежал на нарах, не в силах подняться, когда охранник ударом дубинки по плечу заставил его встать. Рука безжизненно повисла, и, увидев, что охранник замахнулся, чтобы повторить, он произнес: «Не надо, я иду, я иду». Он словно во сне проковылял до дверей камеры и упал, не в силах идти. «Вставай, тварь», – потребовал охранник и ткнул дубинкой в зад, он закричал от дикой боли, но продолжал лежать. «Вот сука, – произнес тот же охранник, – придется его тащить». Когда охранник приволок его в комнату допросов, учитель уже немного пришел в себя и теперь, стоя посреди комнаты, молча глядел в пол, собираясь с мыслями.

– Можно я буду стоять? – попросил он. Однако его никто не услышал.

– Ну что, интеллигент, продолжим, – сказал майор, – помогите-ка ему сесть!

Двое охранников буквально впихнули его в кресло, пристегнув ремнями ноги, руки и туловище, он обреченно оглядел комнату и только сейчас понял, что те предметы, которые он принял за спортивные тренажеры – не что иное, как какие-то инструменты для пыток, то ли привезенные откуда-то, то ли собранные здесь, на месте, по чертежам неизвестного маньяка.

– Итак, спрашиваю – отвечаешь. Понял?

– Да.

Майор вальяжно расположился в своем кресле, достал из папки два листа бумаги и стал читать вслух: «Довожу до вашего сведения, что учитель Кулабской средней школы Мазгар Абу-бакаров ведет пропаганду чуждого нам образа жизни, в частности, во время пятничного намаза призывал к примирению с той частью сельчан, которые проповедуют искаженный ислам, призывал понять их, не придирайтесь к их внешнему виду и словам, а попытайтесь наладить диалог, который позволил бы избежать противостояния и не прибегать к помощи правоохранителей для разрешения религиозных споров, тра-та-та, тра-та-та, и подпись – имам Кулабской мечети Самедов М.».

– Признаешь, что призывал легализовать чуждые антинародные идеи?

– Нет.

– Как нет? Вот же уважаемый человек, целый имам мечети пишет, что ты призывал примириться с бандитами?

– Я это говорил не в мечети, а возле нее, когда шел в школу, у меня были уроки по расписанию, и я не мог присутствовать на коллективной молитве на рузмане. Дело в том, что

сотрудники милиции вместе с имамом стояли и наблюдали, как подрывают дом Нурмагомеда, который исчез из села года три назад, на улице была кое-какая мебель, скарб, который успела вынести жена Нурмагомеда и трое его детей. Шел небольшой дождь, а дети сидели на старом диване и от шока даже не пытались укрыться от дождя, мимо шли сельчане на пятничную молитву, видели все это, и я думаю, они тоже осуждали такие действия, но боялись высказаться.

– А ты самый смелый?

– Нет, я всегда уважал старого имама, и мне было жалко этих детей, старшая ходит школу, и я знаю, с каким трудом они выживают. Их девочка зимой перестала ходить в школу, потому что одноклассники смеялись над ней, так как ее пальто было переделано из старой ватной куртки матери, а когда она перестала ходить в школу, то обвинили семью в экстремизме. Никогда не думал, что имам может написать донос, – с горечью добавил он.

– Так вот как ты заговорил? А ты не жалеешь сотрудников милиции, которых убил Нурмагомед, их семьи?

– Мне жаль всех погибших, а еще больше мне жаль живых, которые живут с ненавистью друг к другу, готовы убивать ради своих идей, убеждений. Я всегда думал, что идея должна нести добро, терпение к чужому мнению.

– Ну хорошо, а на это, что ты скажешь? «На учительском собрании, выступая по итогам учебного года», – начал читать майор, – так, это не то. А, вот, – майор опять полез в какие-то бумаги и, найдя листок, начал читать вслух, – «на собрании преподаватель Абубакаров высказывался против политики правительства и критиковал новый учебный план, поддержав уволенного приказом министерства бывшего учителя астрономии Султанова В.Г. Абубакаров возмущался тем, что часы по астрономии переданы религиоведению, и что правительство намеренно воспитывает болванов, не понимающих устройства ми... мироздания, слова-то какие, мать вашу! И школа выпустит недоучек, которые не имеют базовых знаний».

– Я говорил не так.

– А как?

– Я сказал мы выпускаем недоучек, государство я не упоминал.

Однако майор его уже не слушал. Направив указательный палец на учителя, он громко кричал. – Ты понимаешь на кого ты голос поднял!

Майор повернулся в кресле и указал пальцем на портрет президента на стене. – На него, на меня, на всех! Они лучше знают, что нужно школе, а что нет! И если бы не он, то американцы уже были бы в наших горах и уже жили бы в твоём доме!

– Я не против.

– Ты не против чего?

– Ну чтобы кто-то пожил в моем доме или в селе. Вряд ли кто согласился бы добровольно жить у нас, если есть другие варианты.

– Ты что несешь, тварь? – закричал майор, с опаской посмотрев на портрет на стене, будто их разговор могли услышать.

Учитель тоже посмотрел на портрет, президент задумчиво и добро улыбался ему с портрета, как бы давая надежду, что все скоро закончится, и он вернется домой, в свой старый дом, в свою школу. От мыслей его оторвал удар в подбородок. Он не ожидал такого проворства от майора, который за доли секунды, перепрыгнув через письменный стол, сумел нанести ему увечье. В затылке зазвенело и перед глазами прошли красные круги. – А теперь еще раз спрашиваю! Ты знаешь Кубаева Ахмеда?

– Нет.

– Его младшая сестра учится в твоей школе, ходит в твой класс, и что, брат никогда не интересовался учебной сестры и не заговаривал с тобой?

– Не помню, кажется, нет.

– Ах ты тварь! Сейчас я тебе покажу, как кажется. – Майор достал откуда-то трехгранный напильник и, всунув в рот учителю, начал пилить коренные зубы, направив грань напильника между двумя зубами. Из порезанной щеки хлынула кровь, крик, вырвавшийся от чудовищной боли, захлебнулся в горле от слюны и крови, учитель непроизвольно начал кашлять, и несколько капель крови попало в лицо майору.

– Ну сука! На тебе! – и этим же напильником он начал бить учителя по лицу. Остановился он, когда лицо превратилось в кровавое месиво, а голова учителя свесилась, как у куклы с оторванной шеей. Майор понял, что несколько перестарался, когда увидел, что из заплывшей левой глазницы учителя вытекает бесцветная жидкость. Повернувшись к дверям, он крикнул: «Доктора сюда!».

Учитель очнулся уже в камере, лицо распухло, левая глазница страшно болела, и он ничего не видел, во рту собралась загустевшая кровь, которая мешала дышать, и он попробовал ее выплюнуть, но не смог. С трудом дотянувшись до бутылки с водой, он сделал глоток и снова провалился в темноту.

Два дня его никто не беспокоил. Он думал, что ему дают возможность поправить здоровье, хотя дело было совсем в другом: потеряв счет дням и часам, он как-то даже забыл, что в календаре есть пара выходных в неделю, по которым отдых предоставлен и палачам, а иногда и их жертвам, и палачи, как правило, очень трепетно относятся к своему здоровью и отдыху. В понедельник утром он проснулся рано от боли, все тело ныло, и особенно не давали покоя десны и задница, разорванная колючей проволокой. Лязгнула металлическая дверь и раздалась команда: «На выход!». Тело как-то само непроизвольно дернулось к двери. Ему неожиданно пришла в голову мысль, что никогда не подумал бы о том, что условный рефлекс, ведомый чувством страха и боли, настолько быстро приживается и начинает командовать телом.

– Встать!

– Я не могу, – ответил учитель.

– Не можешь – заставим! – И охранник занес над ним дубинку. Однако после нескольких ударов дубинкой учитель по-прежнему неподвижно оставался лежать в кровати.

– Ну-ка, помоги мне, – обратился охранник к своему напарнику, – снова придется тащить этого говнюка.

Чем ближе они подходили к двери с табличкой «Комната допросов», тем больше ноги отказывались идти, на последних метрах поддерживавшие его с двух сторон охранники попросту внесли его в кабинет. Майор как ни в чем не бывало сидел в своем кресле за письменным столом в белоснежной рубашке с короткими рукавами и почему-то улыбался ему.

– Ну, как настроение? Рабочее?

Он промолчал, чувствуя какой-то подвох.

– Обижаешься? – продолжал издеваться майор. – Не обижайся, это моя работа! Одни воруют, другие, как говорят, ловят, – попытался он сострить. – И заруби себе на носу, чем дальше будешь упорствовать, тем будет хуже.

На мгновение ему в голову пришла крамольная мысль: «А может, признаться в чем-то? Хотя в чем?» Майор задает ему вопросы, ответы на которые он не знает и ответить в принципе не может, а когда все это закончится, неизвестно.

– А ты с одним глазом даже лучше смотришься, – продолжал майор, – мужественное лицо стало, суровое. – Майор явно издевался над ним, и было видно, что для него это в порядке вещей. Он не мог этого понять. «Как может шутить человек в подобной ситуации? Может, попытаться разговорить его? – подумал он. – Наверняка даже в этом животном есть какая-то человеческая струнка».

– Хорошо выглядите, – попытался он пошутить, – праздник какой?

– Да! Днюха у меня. Сорок шесть исполнилось.

– Не могу поздравить, – даже под угрозой смерти удивившись собственной дерзости, произнес учитель. И дальше, уже не контролируя себя спросил: – Ну, и что у вас за плечами, кроме переломанных рук и ног и выбитых глаз?

– Следи за метлой, урод, я не всегда такой добрый. Да и вообще, начальство меня ценит, – тут он поднял вверх палец и добавил: – меня знают на самом верху, вся эта тюрьма – это мой дом, это моя вотчина, я здесь главный.

– Будете пытаться сегодня? Я хотел сказать допрашивать.

– Ну а что? Работа есть работа. Может, просто поговорим с тобой по душам.

– По душам? А она есть у вас?

– Есть, и если ты мне все расскажешь, то увидишь, на что я способен.

– А если мне нечего рассказать?

– Ну вот, ты опять за старое. Есть, я знаю, что есть. Такие как ты изредка, но попадают ко мне, ты первый, кто продержался больше недели. Мне даже стало любопытно, что ты за человек, из какого теста ты сделан.

Учитель повернул голову, чтобы единственным глазом, который к тому же плохо видел, понять выражение лица своего мучителя, и сказал:

– Я обычный человек, простой учитель, сельский парень, которого ваши игры в патриотов уже сделали незрячим инвалидом.

– А что, ты противник патриотизма?

– Я не знаю, что это такое.

– Как это? Учитель, не знающий слова патриотизм. Ха-ха.

Тут раздался лязг открываемой двери, и в комнату вошли еще двое охранников.

– С днем рождения, товарищ майор! Вот, сбегали в шашлычную не берегу, взяли водки, шашлык, зелень. Отметим?

– Сейчас доктор подойдет и начнем.

Вскоре дверь открылась, и вошел доктор, в руках у него был целлофановый пакет с чем-то тяжелым, поздоровавшись с охранниками, он подошел к майору и, положив на стол пакет, сказал:

– Поздравляю, товарищ майор, вот небольшой презент от меня на день рождения, – и, увидев учителя, удивленно спросил, – а он тут зачем?

– Да пусть будет, – ответил майор, – он у меня в графике стоял, вот и притащили, – и уже обращаясь к охраннику, скомандовал: – Ну, давайте начнем.

Охранник, что помоложе, с двумя алюминиевыми планками на погонах, настелил бумажную скатерть и расставил на столе выпивку и закуску. Разлил водку в рюмки и произнес: «Готово! Этому налить?», – спросил он, показывая взглядом на учителя, будто на старого знакомого, волею случая оказавшегося вместе с ними.

– Этому? Перебьется! Еще скажут, что мы спаиваем заключенных, – и засмеялся своей шутке.

– Ну, давайте, – все трое взяли в руки стаканы с водкой, и второй охранник с погонами прапорщика поднял стакан и произнес тост. – Дай Аллах, чтобы у тебя все было хорошо, здоровья тебе и новой должности, и чтобы нас не забыл».

– Дай Аллах! – произнесли майор и остальные гости, и все залпом выпили содержимое стаканов. – Ну все! Больше нельзя! Ещё вечером с начальством придется бухать, тут еще этот, – майор кивнул в сторону учителя. – Спасибо за поздравления, все свободны!

Когда они остались одни, майор спросил:

– А ты чего не поздравляешь? Западло? Да еще и ухмыляешься.

– Ну а что мне, аплодировать человеку, который сделал меня инвалидом? Да и этот тост в ваш адрес явно не к месту, но по сути отражает общую ситуацию.

– А что такого они сказали?

– Ну, – он выдержал паузу, обдумывая ответ, чтобы не вызвать приступ агрессии в свой адрес. – Вы как-то ухитрились связать Аллаха и выпивку, со стороны это выглядит, – он опять выдержал паузу, – ну как бы необычно, если не смешно для мусульман. У русских для таких случаев есть поговорка: «Или крест сними, или трусы надень!».

– Надо же, б..., умник выискался. Твое счастье, что праздник у меня, а не то узнал бы, как не надо шутить.

– Да я и не шучу, я ведь здесь, как понимаю, по подозрению в том числе и в религиозном экстремизме? И если одна часть населения воюет с другой за чистоту ислама, а вы пьете и при этом просите Аллаха, то с какого боку здесь я?

– А вот я тебе объясню. Мы, – майор тут оглядел комнату, внимательно посмотрел на пустые места, где недавно сидели его подчиненные, – мы не фанатики и позволяем себе иногда снять стресс, и некоторые говорят, что нет прямого запрета употребления водки, а вы, фанатики, хотите развала страны и хаоса.

– Я? Я не фанатик и вовсе не хочу хаоса, я простой учитель биологии, всегда был вне политики. Сейчас я, конечно, понимаю, что я ошибался. А что касается хаоса, то я полагаю, что вы и являетесь его главным источником.

– Как это? Поясни!

– Могу начать с себя, если хотите. Вы ведь сказали, что будем говорить правду, – тихим голосом проговорил учитель.

– Да, правильно, так и сказал.

– Я расскажу о себе, а вы о себе. Хорошо?

– Попробуем.

– Так вот, родился я в маленьком селении, когда мне было пять лет, мои родители погибли. Рейсовый автобус на узкой дороге в горах сорвался в пропасть, и их не стало, наряду с другими пассажирами. Правда вот, водитель выжил, он успел выпрыгнуть. Воспитала меня бабушка на свою пенсию. Я донашивал одежду, которую приносили сельчане. В праздник Курбан-байрам нам домой сердобольные сельчане приносили свой «Сах». За это я им благодарен. В школе меня не то чтобы жалели, просто никто не обижал, как сироту, наверное. После школы поехал поступать на биологический факультет университета. За пять лет учебы я ни разу не сходил в кафе или кинотеатр, сэкономил те деньги, что давала мне бабушка. Поэтому больше времени проводил в библиотеке. Закончив, вернулся преподавать в сельскую школу. Жениться не успел, никто не хотел выдать свою дочь за безродного сироту, да и денег не было. Ну вот и все!

– Хочешь, чтобы я пожалел тебя? Сейчас расплачусь.

– Нет. Не хочу. При всем при этом я был счастлив. Я был наедине с книгами, встречался с интересными людьми. Я любил свою работу, школу, преподавать, узнавать новое. А мое хобби – увлечение фольклором и встречи с разными людьми – сослужило мне плохую службу.

– Предположим. Так почему ты нас называешь источником хаоса?

– А разве нет? Милиция в республике по численности больше, чем армия и полиция Бельгии вместе взятые. Если не будет врагов, вы будете не нужны, и поэтому вы придумываете себе работу, своими руками создаете врагов. Помните, вы упоминали чью-то жалобу про односельчанина Нурмагомеда?

– Да, а что?

– Я ведь помню, когда лет пять назад он, прислушавшись к призыву об амнистии, вернулся домой и сдался властям.

– Тогда многие сдались, не он один.

– Так вот, не было дня, чтобы потом к нему с обыском не приезжали милиционеры, и каждый раз уводили в районный отдел. А у него трое детей. Представляете ужас ребенка, которого под дулом автомата, в два часа ночи выводят на улицу, пока обыщут дом, а состояние

родителей? Словно добиваясь того, чтобы он не выдержал и ушел снова. И вам удалось этого добиться. И как я слышал от людей, это не единичный пример. Вы сами множите ряды тех, с кем боретесь.

– А ты всегда такой прямолинейный? – неожиданно перебил майор.

– Да, а что?

– Не мудрено, что на тебя столько заявлений поступило, язык мой – враг мой. Ну хорошо, продолжай, а как нам с ними бороться?

– А зачем вам бороться с собственным народом? Это ведь старо, как мир, надо бороться с причиной болезни, а не следствиями. Когда растение едят гусеницы или тля, можно оборвать листву, срезать все ветки, срубить ствол и таким образом отвадить вредителей, но после такого «лечения» уже нет гарантии, что дерево выживет. Так же и общество, многие болезни можно если не излечить полностью, то хотя бы подавить. В любом растении, животном живут патогенные организмы, и борьба с ними поддерживает иммунитет организма в целом, а смысл – в поддержании нужного баланса силами самого общества.

– И что это за баланс?

– Надо дать людям свободу, свободу выражать мысли, высказываться, заниматься тем делом, которым он хочет заниматься, а вам, милиции, нужно служить народу и охранять эту свободу.

– А разве мы не охраняем?

– Что вы охраняете? Вы охраняете тех, которые разворовывают бюджетные деньги, обеспечиваете нужное количество голосов на выборах для нужных кандидатов, устраняете неудобных. Вы сами поставили себя в положение цепных псов, которые рвут всех по команде вашего начальства. Свобода каждого всегда приводит к ограничению власти «слуг народа». Вы не хотите поступиться своей свободой вершить по вашему усмотрению судьбы людей, а несогласные с этим объявлены вами вне закона.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Ничего. Нет необходимости изобретать велосипед. Надо только посмотреть, как он устроен у других.

– Хочешь шашлык?

– А?

– Шашлык, говорю, хочешь?

– Нет. От тебя ничего не хочу, да и к тому же ты выбил мне почти все зубы, если не забыл, а те, что остались, распилены напильником. Я не могу жевать. «Надо же, – подумал учитель, – или он с детства был таким инфантильным, что маловероятно, или долгая безнаказанность породила монстра, в легкую играющего со своими жертвами, этакое общение «лайт» с очередной жертвой».

– Ну ладно, – ответил майор как ни в чем не бывало, – давай я тебе помогу.

Майор подошел к столу, взял большой кусок мяса и стал тщательно жевать, отвернувшись почему-то в сторону, затем большим и указательным пальцем взял изо рта прожеванный кусок и скомандовал:

– Открой рот.

– Зачем?

– Будешь есть, брезгуешь?

Голод и отвращение недолго боролись в нем, и он неохотно открыл рот, и майор как держал двумя пальцами источавший сок бесформенный кусок, так и вложил ему в рот. Он никогда не думал, что кусок прожеванного кем-то посторонним сочного мяса может быть настолько вкусен.

– Ха-ха. Ну как? Ты знаешь, у меня был дед, он умер, когда мне было одиннадцать, и дед иногда меня спрашивал: «Внучек, а ты будешь мне жевать пищу, когда я останусь без зубов?».

На что я отвечал, что никогда. Мне была противна мысль о том, что я буду для кого-то жевать пищу, даже для своего деда. А потом, с годами, когда мне стало его не хватать, я понял, что дело совсем в другом. И теперь я впервые в жизни жевал пищу для кого-то другого. Ха-ха. Дед был бы доволен, он был добрым человеком.

Майор сел в свое кресло и задумчиво посмотрел на арестанта и произнес:

– Ты знаешь, я первый раз вижу такого крепкого человека, как ты. Ты продержался там, где другие готовы были признаться во всем. Умоляют не трогать их, падают на колени, обещают золотые горы, в жопу готовы целовать, – а ты нет. Враг, который борется до последнего, всегда вызывает уважение, проси сегодня что хочешь, кроме свободы, конечно.

– Кроме свободы?

– Да.

– Я бы хотел в камеру, где есть другие люди. Я давно не видел людей. Хочется с кем-то поговорить.

– Поговорить?

– Да. В этой тюрьме нет даже мышей и крыс, словно они убежали от царящего здесь ужаса.

– Крыс, говоришь? А я и не обращал внимания, хотя в других тюрьмах их много. Ладно, мне надо ехать, коллектив поздравляет сегодня. – И майор, подняв трубку внутренней связи, сказал кому-то: – Переведите Абубакарова в одиннадцатую камеру. К этому, как его – Шамхалов, кажется? Да, к новичку. – И, положив трубку бросил: – Ну что же, отдыхай сегодня. Общайся. Конвой!

* * *

Камера, куда перевели учителя, была на другом этаже, в полуподвале, куда из-под потолка, словно из амбразуры дота, просачивался свет. Учителю она показалась люксом. Охранник молча показал ему на кровать у стены, зачем-то заглянув под подушку спавшего другого арестанта, ушел громко, лязгнув дверью. Когда шаги уходившего охранника растаяли в глубине коридора, лежавший до сих пор неподвижно арестант повернулся и неожиданно спросил:

– Кто по нации?

– Авар, – ответил учитель.

– Я тоже, – ответил тот и, тут же перейдя на аварский, спросил: – давно здесь?

– Наверно, неделю или больше, точно не помню, здесь время идет очень долго. А ты?

– Я тут второй день, привезли в воскресенье после обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.